

A large-scale art installation featuring thousands of long, narrow ribbons in various colors (blue, yellow, purple, red) hanging from a structure above a canal. The ribbons create a dense, colorful canopy. In the background, a building with a red roof and a few people on a sidewalk are visible. The canal below reflects the vibrant colors of the ribbons.

Александр Цемахман

Невзрачное откровение

Александр Цемахман

Невзрачное откровение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27432931

ISBN 9785448588532

Аннотация

Эти стихи писались изредка, с большими паузами, по поводам, казавшимся мне в то время важными или уже тогда вполне ничтожными, и предназначались для немногих друзей, понимавших меня с полуслова. С друзьями я был вполне откровенен, не заботился ни о том, как меня поймут, ни о том, куда заведет строка, и не думал, что это может быть любопытно кому-то еще. И все же если ты найдешь здесь что-то созвучное твоим чувствам, близкое твоему восприятию мира, я буду искренне рад, читатель.

Содержание

Новогоднее	5
Надпись на канистре	6
«Оледенелый Катуар...»	7
Поздравление с ангелом	8
Сталкер	10
«Сегодня не работалось...»	11
«Мой друг, мы еще на подъеме...»	13
Зимостойкий сорт	15
Корабли	16
«Тело стремится туда, где осталась душа...»	18
Письма из Альберты	20
I. Michener Park	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Невзрачное откровение

Александр Цемахман

© Александр Цемахман, 2017

ISBN 978-5-4485-8853-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новогоднее

Некрасивая девушка мне сказала сегодня на площади,
где скрежещут моторы и тянет резиной сожженной,
что это год золотистой лошади
и встречают его в коричневом и желтом.

А потом, чуть кося, доверчиво глянула
и добавила, что если ровно в полночь
загадаешь желание – самое главное,
то оно исполнится, непременно исполнится.

о желание любить вечно и быть любимым
ты неисполнимо и все же я тебя загадал
потому что сердце мое разрывается от тоски
потому что над городом медленно падает снег

Город спал. Спали проститутки, скептики дошлые,
аспиранты, зубные врачи и в аквариуме карась,
и глядели с небес глаза мудрой лошади,
доброй лошади, заботящейся о нас.

1977

Надпись на канистре

В. Ф.

Пока гуляет в жилах жизнь,
Пока синее куст прожилок,
Не свалит нас ни эль, ни джин,
Ни сласть ликеров липко-лживых.

Но лишь винцо запузырит
Глазами мутных околесиц,
Пойдем витийствовать навзрыд,
Сорвемся ржать и куролесить.

Некстати праздная побег,
Мы чудом вырваться успели
Из пут твоих, тенетник-век,
Из тени от твоих изделий.

...А дальше прежнее: зима,
Конторы, лип преклонный возраст —
Воззрятся и сведут с ума,
Заставят морщиться и ерзать.

«Оледенелый Катуар...»

В. Ф.

Оледенелый Катуар,
Крещенская зима.
Часа четыре коротать,
Все сразу понимать.
И этот мерзлый кал в углу,
И лампы гнойный свет,
И стонущую на ветру
И стынущую ветвь,
И грузный ход товарняка,
И протяженность рельс —
Все понимаешь ты, пока
Ты не поймешь, что трезв.

1982

Поздравление с ангелом

На вахте хмурый цербер
Заснул давным-давно,
И месяц на ущербе
Глядит в твое окно.
И в самом жалком ранге,
Бесплотен и белес,
Слетает светлый ангел,
Касается волос.
Почти недостоверен,
Осмеян свысока,
Но в окна, а не в двери
Подобьем ветерка.
Над скверами пустынными,
Над риском автострад,
Над спальнями, где минами
Будильники стучат,
Над похотью и болью
И над потерей сил
Печально к изголовью
Проскользил.
Касанья миг единый,
Тревога отошла.
Чуть шелестят гардины,
Как будто два крыла.

Сталкер

Пыль, олифа и известка.
Солнце слеплено из воска.

Визг стекла под башмаком.
Переулок незнаком.

Пустырями проходил
В мареве слепого зноя,
Заклинание твердил
Неизбывное, болезненное.
Так вот и пришел домой —
То ли отклонился малость,
То ли вправду за душой
Ничего не оказалось.

Не иначе – повезло.
Некто, плосок и бесплотен,
Все глядел светло и зло
В спину мне из подворотен.

1982

«Сегодня не работалось...»

Сегодня не работалось:
с обеда перекур,
какая-то разболтанность
и в голове сумбур.

Дружище, сучий потрох,
пора и нам взбодриться,
еще остался порох
у нас в пороховницах.

Натягиваю свитер.
Пустынный стадион
меня встречает свистом
поземки ледяной.

Январский полуночник,
беги,
давай-ка полегонечку
накручивать круги.

Петляя по сугробам,
скользя на виражах,
в который раз попробуй
сбежать.

Сбежать от жизни сытой,
от свары бытовой.
Скорее! Псы инстинкта
вздывают вой.

Наддай из опасенья,
что свора поднята,
что стелется по снегу,
несется по пятам.

Преодолей усталость,
хандру, нытье,
твоя душа заспалась,
ату ее!

...Предчувствий мелочишка,
казарменный режим.
Вьюнок, трепач, мальчишка, —
неужто убежит?

1985

Здесь не стыдишься заплакать
о себе и о том,
кто пакости мне скостит,
квинтэссенцию примет,
а остальное в слякоть
выронит – бывшее телом,
влитое в слитный гул,
без видимой для всех,
кроме убийц, причины
складывающееся
на бегу,
как ножик
перочинный.

1987

Зимостойкий сорт

Мы вновь с тобой, рука в руке,
Терпя, страдая, веря,
Встречаем зиму налегке
В последней из империй.
Где пищу изредка дают,
Где воздух глух и ропщет люд,
Где лысый с кепкой наотлет
Все гаже и лобастей,
Где мегаполис нас жует
В своей гниющей пасти,
Но где костист, вынослив, тверд
Зимует зимостойкий сорт.

1989

Корабли

Антону

Вечером, на берегу
моря, на краю земли
наглядеться не могу
на большие корабли.

Отраженья в тишине
при отсутствии волны
узнаваемы вполне,
словно люстры зажжены.

Траулера лов ночной
там, где темная вода.
Голос теплый и живой
долетает и сюда.

И пока в ночи блестит
звезд молочная река,
над водою все скользит
синий проблеск маяка.

Вознамерился всерьез
хищный палец сосчитать:

сухогруз, лихтеровоз,
танкер, сухогруз опять...

1990

«Тело стремится туда, где осталась душа...»

О.

Тело стремится туда, где осталась душа,
и, пока продолжается гормональная суетня,
проза полураспада написана. Не спеша,
медленно и небожно время правит меня.
Мутная очевидность не узнает себя —
это сечется волос, это крошится мел.
Жидкую бороденку неуверенно теребя,
поздно уже сокрушаться о том, чего не успел.
В качестве точки отсчета можно в конце концов
лысину опознать в зеркале боковом.
Пальцы хватают воздух, где было твое лицо,
чтобы удостовериться, что больше нет твоего
рядом лица, дыханья, дара о нас во сне
помнить, дара любить. Видимо, мы все равно
не обманули природу, поскольку энергия не
возникает и не исчезает, не отыгрались, но
выиграли секунду, взявшись за руки. Нас
дальше будет нести вместе этот поток,
удаляя из поля зрения, уменьшая, из глаз
вымывая слезой, растворяя, не различит никто.

Письма из Альберты

I. Michener Park

1

Земную жизнь пройдя до половины,
я оказался здесь. Я выбрал дом.
На выбор повлияли за окном
растущая сосна и три рябины
и здание, стоящее углом
за скоростным шоссе, слегка за десять
унных этажей, что нетипично
для здешних плоских мест, зато привычно
для москвича. Мне надо было взвесить
расположение комнат, и теперь,
укрывшись в меньшей и захлопнув дверь,
пишу тебе. На кухне голоса,
но это так, еще на полчаса,
потом уснут. На улице мороз.
я выйду покурить, и будут мерзнуть
в перчатках пальцы. Азбукою Морзе
мерцают звезды. Гулкий дерьмовоз,
как будто Терминатором ведомый,
промчится по хайвею, или ерзать
начнет скрипучий снегоочиститель.

И снова тихо. Некий местный житель,
чучмек в чалме, паркует свой «ниссан».
И снова никого. Один, у дома,
все курит, не уходит Цемахман.
Начнется снег и, светлый, невесомый,
определит и конус фонарей,
и перспективу. Надо поскорей
назад в тепло. Уже Грандфазер Фрост
настаивает, чтоб покинул пост.

2

Я не могу уйти. Я вновь в лесу
воспоминаний, в том лесу над Волгой,
где длится все, где полночи так долго
тянуться: десять тысяч верст, шесть лет.
Нет, мы еще не целовались с Ольгой —
держались за руки, и на весу
на жизнь держала, как сказал поэт.
Ухаживанье, может, стоит вычесть:
в моем тогдашнем скудном словаре
слов не хватало, и тупые иглы
оцепененья нас кололи, тычась.
Мы разошлись едва ль не на заре.
Я чувствовал, что я сгораю в тигле,
но по привычке думал: фигли-мигли.
Происходило дело в декабре.
Я налегке приехал в «Энергетик»,
признаться, рад побыть дней десять в нетях,

отвлечься от ВНИИТа и семьи,
но чтобы с кем-то переспать?! Ни-ни,
скорее, провести как теоретик
я полагал свой отпуск. У лыжни
есть преимущества перед листом бумаги,
особенно задолго до люмбаго.

3

Она туда приехала с подругой
(конечно, крокодилем) отдохнуть,
три месяца назад уйдя от мужа-
татарина. По-моему, ей туго
пришлось под игом Золотой Орды.
Не то чтобы я так уж был ей нужен,
быть может, просто нужен кто-нибудь,
к тому же, ты ведь знаешь, до п...
охотников на отдыхе немало,
и по контрасту я, под одеяло
забраться к ней не думавший, штаны
поспешно не спускавший, был бы кстати.
Короче, нас столкнула, как шары,
судьба и по иронии судьбы
нас закатила в лузу, и в кровати
себя мы обнаружили. Следы
закономерности, принявшей форму
случайности, распутывать потом
не думая, на время став скотом
и не стыдясь, я спарился. Слепы,

глухи ко всем, всему, отдавшись шторму
оргазмов, перекрыв любую норму
и северной, и южной стороны
попали мы туда, где для прокорму
в избытке слез, и спермы, и слюны.

4

Припоминая Людочку и плов,
пока душа, рифмуя, роясь в соре,
отыскивает связи нам на горе
и походя волосяной покров
снимает, можно рассмотреть улов,
покуда голова еще на шее,
хоть и морщинистой. Куда страшнее
та пустота, что впереди. Готов
проследовать за мною осторожно
не далее как в Железнодорожный?
Тогда вперед. Велосипед не нов,
без тормозов, хоть это против правил.
Его хозяин умотал в Израиль,
на даче бросив дряхлого одра.
Я точно знаю, что уже пора,
поскольку Людочка проедет в Горький
через Желдор, но это будет фон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.